

ГЛАВА VII

ИСТОРИЯ О ЁЛКЕ

— А-а! Вы историк? — с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.

— Я — историк, — подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: — Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Впервые я обратилась к истории новогоднего праздника десять лет назад¹. На то время новогодняя традиция была изучена мало, и поэтому задача состояла в том, чтобы совместить необходимый историко-культурный и интересовавший меня мифоритуальный аспекты этой темы. С тех пор вышел целый ряд работ, посвященных календарным праздникам Новейшего времени. Среди них — замечательная книжка Е. В. Душечкиной «Русская елка» (СПб., 2002), где очень полно и очень подробно, с привлечением большого количества иллюстративного материала рассмотрена данная традиция. Все это позволяет мне обратиться к интересующему меня аспекту новогодней традиции, тем более что эта история далеко не исчерпана. Ее актуальность может быть подтверждена современной культурно-массовой праздничной жизнью:

«Новые традиции — на Дворцовой. Там в первые часы Нового года прошел волшебный саммит — своеобразное неформальное дополнение к официальному саммиту Жи-8, который Северная столица принимала минувшим летом. Деда Морозы из стран Большой восьмерки подписали международную декларацию о все-

---

¹ Адоньева С. Б. История современной новогодней традиции // Мифология и повседневность. Вып. 2. Материалы научной конференции: 24–26 февраля 1999 года / Под ред. К. А. Богданова и А. А. Панченко. СПб., 1999.

мирном новогоднем празднике. Всю ночь петербуржцев поздравляли финский Йолло-пукке, американский Санта-Клаус, итальянский Баббо Натале и даже японский Хотейёшо-сан» («Вести — Санкт-Петербург». Вып. 1 янв. 2007 г.).

Смысл этой акции можно озвучить так: если у американцев, японцев, итальянцев есть свои Деда Морозы, значит, они живут так же, как мы. И так же, как мы, устроены политически. Главы стран договорились, и Морозы договорились, вот и хорошо. Новый год и Дед Мороз — то, что нас объединяет. Наша общая международная ценность. Насколько такое утверждение правдиво, не имеет значения, важно, что оно сказано и сплясано, а значит, стало частью нашей общенародной реальности.

Вторая дед-морозова акция кануна 2007 года носила уже не международный, а внутривнутриполитический смысл:

«В присутствии вице-губернатора Санкт-Петербурга и губернатора Вологодской области сегодня, 23 декабря, главный Дед Мороз России зажег главную городскую новогоднюю елку на Дворцовой площади, сообщает корреспондент.

В 17.45 праздничный кортеж подъехал к Зимнему дворцу на Дворцовой площади, где, по данным правоохранительных служб, собралось около двух тысяч петербуржцев. Первым событием праздника стало подписание Дедом Морозом „Волшебного закона о Новом годе“, составленного из пожеланий детей Санкт-Петербурга. Согласно одной из статей закона (а всего их 12) „Новый год — это самый лучший день в году. В Новый год работать можно, но только так, чтобы работа приносила счастье“. Церемония зажжения новогодней елки на Дворцовой площади, как и планировали организаторы (центр фестивальных программ „Петрофест“), превратилась в светомузыкальный лазерно-пиротехнический спектакль, естественной декорацией которого стал архитектурный ансамбль Дворцовой. Огни на елке загорелись в 18.00 («Россия: горячие новости». Вып. 23 дек. 2006 г.).

Здесь, как мы видим, также без «документа» не обошлось. Представители реальной исполнительной власти встречали волшебного (не реального) законодателя. Закон был составлен по заявкам не обладающих полными гражданскими правами граждан, на то он и «волшебный».

К ряду официальных новогодних хеппенингов добавлю еще одну, очевидно, не санкционированную властью акцию. В канун нового 2005 года по все той же Дворцовой площади в Петербурге прошла странная процессия. Шли колонны «заключенных» Дедов Морозов в наручниках. Костюм Морозов-зэков отличался от обычного тем, что красный цвет был изменен на черный. Колонну вели люди в военной форме неопределенного образца с автоматами и овчарками. У средств массовой информации не нашлось слов, чтобы прокомментировать этот перформанс. Его показали в новостном репортаже без каких-либо пояснений.

Идея Деда Мороза, праздника и власти оказывается, как мы видим, продуктивной. Новогодний сюжет служит способом говорить о чем-то еще, о других вещах. Дед Мороз и Снегурочка превратились в метафоры, которые используют в равной степени и власть, и оппозиция, как можно догадаться по предновогоднему представлению «Деды Морозы на этапе». А значит, этот сюжет относится к «нашему всему» и поэтому нам интересен.

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ ЗИМНЕГО СОЛНЦЕВОРОТА

Русская обрядность святочного времени, судя по этнографическим материалам XIX—XX веков, складывалась из двух основных ритуальных тем. Первая тема — поминовение — обнаруживалась в магических действиях, направленных на контакт с «родителями» — умершими, предками рода. Для них хозяйки устраивали в рождественский сочельник трапезы, приглашали их к праздничной постной кутье. В это же время — в рождественскую ночь — совершался обход домов колядовщиками, изображавшими приход «родителей»¹. В рождественский сочельник хозяйки выходили на улицу кликать Мороз: «Мороз, мороз, иди кутью есть!» В других местах так же кликали «родителей» —

---

¹ *Виноградова Г. С.* Зимняя календарно-обрядовая поэзия славян. М., 1982.

родных покойников — на кутью: «Родители милые, идите кутью есть!» У белорусов этот праздник также назывался «деды».

Вторая ритуальная тема — игры и ритуалы неженатой молодежи. Мистические опыты девушек в это время состояли в вызываниях нечистой силы, ночью, в особых местах: в бане, на перекрестке дорог, в овине. А мистические опыты парней — в ряженье, изображении чертей в поведении (матерная брань, агрессия, хулиганство). На Русском Севере такое поведение имеет особое название — «кудеса»: «ходить страшным кудесам», «кудесить». Н. С. Преображенский писал, что, по верованиям крестьян Вологодской губернии, чертям «до Крещения полная свобода сколько угодно куролесить на земле и смущать православных»¹. Ряженный и представлял собой такого беса «во плоти», действуя в его обличье и от его имени. Рядились в рваную одежду, закрывали лицо так, чтобы не быть узванными; обычными святочными масками были ряженные «старики» и «старухи». Пример сочетания обеих ритуальных тем — игра «Сидор и Дзюд (дед)»:

Двое ряженных изображают горбатых стариков. У одного в руках — жезл, увенчанный бантом (фаллический символ, ср.: жезл — обязательный атрибут современного Деда Мороза). Их вносят в дом на скамейке сидящими спиной друг к другу. Тут подходит какой-нибудь парень из присутствующих — «жаних», «жерябнет» одного по горбу:

— Дзюд, а Дзюд, жаниться хочу!

— Это дело не мое, это дело Сидора.

Тогда парень подходит ко второму «нагорбленному», тот спрашивает имя, парень называет имя любой из присутствующих на вечерке.

— О, девка хороша, да хулинка есть.

Сидор произносил хулинки, среди которых были и традиционные, и сочинялись для разового использования. При этом о любой девке позволялось говорить самые срамные вещи².

---

¹ Преображенский Н. Баня, игрище, слушанье на шестое января // Современник. 1864. Т. 10. С. 518.

² Бойцова Л. Л., Бондарь Н. К. «Сидор и Дзюд» — святочное представление ряженных // Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л., 1990. С. 192–195.

В русской деревне XIX века языческие развлечения приходились на святочное время, наступавшее после 25 декабря, Рождества, и, захватывая новолетие (которое обычно называлось по дню церковного праздника, Васильев день, или — канун, Васильев вечер), длившееся до Богоявления. Рядившимся народная традиция предписывала для очищения купаться в Крещенской проруби.

КАЛЕНДАРНЫЕ НОВОВВЕДЕНИЯ ПЕТРА И НОВОГОДНИЙ СЮЖЕТ XIX ВЕКА

Появление новогодней елки как элемента новогоднего праздника произошло при Петре: согласно царскому указу от 20 декабря 1699 года впредь предписывалось вести летоисчисление не от сотворения мира, а от Рождества Христова, а день новолетия перенести с 1 сентября на 1 января¹. Попутно вводился западный обычай празднования Нового года: в его ознаменование в этот день велено было пускать ракеты, зажигать огни и «украсить дома от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых»². Светское празднование новолетия оказалось включенным в праздничное время святок, что не противоречило ни уставу, ни традициям православной церкви. До указа Петра оно приходилось на Богородичные дни (после Успенского поста, между праздниками Успения и Рождества Пресвятой Богородицы), теперь на Господни праздники: между Рождеством и Богоявлением. В течение восемнадцатого столетия украшение помещений хвойными деревьями остается деталью «европейских»

---

¹ К семнадцатому столетию вокруг сентябрьского новолетия уже сложился обычай, нашедший свое отражение в чине «летопродводства». Он совершался вне церковных стен, на природе, перед литургией 1 сентября. К концу XVII века в Москве для участия в этом молебном чтении на Ивановской площади в Кремле собиралось до тридцати тысяч человек. См.: *Могилевцев Г.* Празднование новолетия в России // *Журнал Московской патриархии.* 1995. № 10. С. 74–76.

² *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого: В 6 т., в 7 кн. СПб., 1858–1863. Т. 3. С. 496.

придворных святочных маскарадов, а Новый год ничем не выделяется в ряду из праздничных святочных дней.

Еще в 30-х годах XIX века елка — «рождественское дерево» — воспринималась как атрибут быта петербургских немцев. «В местах, где живут иностранцы, особенно в столице, вошла в обыкновение елка... Для празднования елки избирают преимущественно дерево елку, от коей детское празднество получило наименование, ее обвешивают детскими игрушками, которые раздают им после забав»¹.

Взрыв интереса к празднику и распространение елки как его обязательного элемента происходит на рубеже 30–40-х годов, одновременно с популяризацией немецкого романтизма, ставшего в это время достоянием массового читателя, особенно — с увлечением Э. Т. А. Гофманом. «Щелкунчик» и «Повелитель блох» выходят к Рождеству в виде детских подарочных изданий с иллюстрациями². Тем не менее до середины XIX века елочные увеселения остаются в пределах семейных рождественских праздников, не имея самостоятельного общественного статуса и сложившегося сюжета. Первую публичную елку провели в 1852 году в Екатерингофском вокзале.

Русский романтизм с его особым интересом к демоническому начинается с баллад Жуковского «Людмила» (1808) и «Светлана» (1808–1812), появившихся на русской почве под воздействием баллад Шиллера и Гёте. «Мертвецы, привидения, чертовщина, убийства, освещаемые луною», «бешено-страстная Ленора со скачущим трупом любовника», по свидетельству Ф. Вигеля, поразили русского читателя 20-х годов XIX столетия. «Жуковский своими балладами, — пишет далее критик, — создал нам новые ощущения, новые наслаждения. Вот и начало у нас романтизма»³. В это время начинают много говорить и писать о русском «национальном духе», «духе нации» (определение Шеллинга) как о чем-то коренящемся в древней языческой истории Руси. «Этой старины никогда еще не бывало, она новая ста-

---

¹ *Терещенко А.* Быт русского народа: В 4 т., в 7ч. СПб., 1847–1848. Ч. 7. С. 86.

² *Душечкина Е. В.* Русский святочный рассказ. СПб., 1995. С. 151.

³ *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892. С. 137.

рина», — замечает один из героев Н. Г. Помяловского в связи с настроениями 1860-х годов¹.

Вхождение в праздничный русский быт елочного увеселения происходит одновременно с созданием писателями-романтиками образа мистической русской обрядовой старины. Рождественская елка — одно из таких идеологических новообразований: она становится элементом праздничного быта «просвещенного» русского читателя, в 1820—1830-е годы узнавшего о «прелести» русской национальной традиции из переводной немецкой романтической литературы. Наиболее известным обычаем такой возрождаемой старины становится «вызывание суженого», святочное гадание, описанное в балладе Жуковского «Светлана» и известное каждому современному школьнику по упоминанию в «Евгении Онегине»: «С Татьяной нам не ворожить». В середине девятнадцатого столетия демоном святочного мистического ожидания, благодаря романтикам, становится суженый-ряженный («Щелкунчик», принц, оборотень, жених-мертвец).

Появлением имен демонов советского новолетия, Деда Мороза и Снегурочки, мы обязаны Н. А. Некрасову и А. Н. Островскому². В значительной степени это случилось потому, что произведения этих авторов получили вид на жительство в советской литературе. Поэма Некрасова «Мороз, Красный нос» впервые была включена в программу советской школы (для 5-го класса) в 1933 году. С 1939 года она изучается всеми школьниками страны в девятом классе, как и пьеса Островского «Снегурочка».

В советском научном издании, посвященном истории русской литературы, исследователь толкует образ «Мороза, Красного носа» в мифологическом ключе, не имевшем реальной почвы в русской народной традиции: «Жизнь деревни тесно слита с природой, поэтому картины русской зимы, истолкованные в духе народной поэзии и сказочной мифологии, естественно входят в реалистическую ткань поэмы... Образ Мороза, властелина зимней природы, рожденный древним народным сознанием, отража-

---

¹ Помяловский Н. Г. Сочинения. М.; Л., 1951. С. 200.

² Благодаря разысканиям Е. В. Душечкиной мы теперь знаем, что не только им. См.: Душечкина Е. В. Русская елка. С. 345—370.

ет веками сложившиеся суеверия и фантастические представления о таинственных силах природы»¹. Понятно, что советский литературовед, на рубеже 80-х написавший эти строки, сжился с Дедом Морозом советской елки так же, как и другие, и так же, как и другие, признал за ним статус «седой российской старины».

В зарождающейся городской традиции рождественской елки (в 30–50-х годах XIX века) нет еще ни Мороза, ни Снегурочки в качестве обязательных персонажей новогоднего ритуала. Так же как их нет в общеславянской обрядовой традиции. Пьеса «Снегурочка» А. Н. Островского впервые была напечатана в девятом номере журнала «Вестник Европы» в 1873 году.

С 1865 года выходят и сразу же становятся очень популярными «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьева. В этом труде славянские обряды и фольклор толкуются посредством «метеорологического мифа» (борьбы света и мрака, тепла и холода, солнца и грозовой тучи и т. п.), в том же духе толкуется народная сказка о Снегурочке. Во многом под воздействием этого сочинения возникает замысел пьесы. А. Ф. Луконин, рассматривая фольклорные источники образа (сказки о девочке, слепленной из снега стариком и старухой и гибнущей либо от рук подружек, либо от огня весеннего костра), отмечает, что Островский вводит в пьесу конфликт, которого не было в фольклоре, «конфликт между Морозом и Солнцем, между мраком и светом, смертью и жизнью...»

Но что со мной: блаженство или смерть?
Какой восторг! Какая чувств истома!
О Мать-Весна, благодарю за радость,
За сладкий дар любви! Какая нега...

Приводя этот, последний, монолог Снегурочки, исследователь заключает: «Красоту подвига, основанного на всепобеждающем чувстве любви, утверждает драматург в своем произведении»². Это действительно так. Главная тема развития образа

---

¹ Жданов В. В. Н. А. Некрасов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. С. 370.

² Луконин А. Ф. Сказка и предание у А. Н. Островского // Учен. зап. Сызранского гос. пед. ин-та. Каф. рус. яз. и лит. Вып. 1. 1956. С. 73.

Снегурочки в пьесе — переход от целомудрия к чувственности (за безлюбие и гневается на народ местный бог Ярило). Другой литературовед очень тонко подмечает деталь пьесы, впрямую связывающую ее основную тему с интересующей нас мистической новогодней традицией. «Островский мастерски очертил состояние душевной невинности и свободы от физиологии чувства у Снегурочки, пока она не знала любви... Просыпается способность любить первоначально беспредметно: это физиологическая зрелость, особое душевное состояние, которое еще не связано с определенной встречей определенного лица. Просто настало время любить, и девушка преобразуется... Аналогичны переживания Луизы у Шиллера („Коварство и любовь“), но после встречи с Фердинандом: у Островского пора любви преобразует человека до встречи и выбора»¹.

Эротизм (главная причина девичьих святочных гаданий) и нечеловеческая природа Снегурочки (такая же, как и природа «вызываемых» из небытия суженых-оборотней) делают этот образ законным наследником языческой традиции.

Тем не менее, мелькая в виде «снежных масок» и «ледяных дев» в поэзии символистов, образ Снегурочки до поры не входит в бытовую традицию святочных праздников в качестве обязательного персонажа. Нет ее и на святочных поздравительных открытках — рождественских и новогодних, входящих на рубеже веков в русский быт. Ни в отделе эстампов Российской национальной библиотеки, ни в коллекции каталога «Поздравительная открытка в России» я не нашла ни одной дореволюционной поздравительной открытки с образом Снегурочки, что достаточно определенно свидетельствует о том, что образ этот не был популярен до советского времени².

В хрестоматии К. Лукашевич «Школьный праздник — Рождественская елка» (СПб., 1915) Снегурочка отсутствует. Дед

---

¹ Батюшков Ф. И. Генезис «Снегурочки» Островского // Журнал Министерства нар. просвещ. 1917. Май. Т. 69. С. 60–61.

² На 88 русских поздравительных открыток начала XX века приходится одно изображение Деда Мороза, на 200, напечатанных в Европе, — три (см.: Комболин Ю. Поздравительная открытка в России. СПб., 1994).

Мороз в текстах этого издания упоминается в составе ряженных, а также появляется в стихотворении неизвестного автора приносящим подарки для детей и отдающим их маме, которая в соответствии с поведением детей их раздает (воспроизводится образ европейского рождественского Санта-Клауса, исходно — святого Николая). К. Лукашевич поясняет, что праздник «рождественская елка» должен устраиваться в один из рождественских праздничных дней, в начале праздника дети со звездой славят Христа. Это объемное издание (215 страниц), содержащее всевозможные описания сцен и живых картин, а также

тексты для декламации на празднике, не предлагает ни одного привычного для нас «дед-морозового» сюжета.

В текстах новогодних представлений советского времени эти персонажи уже обязательны.

Примечательно, что в конце XIX века появляется необходимость дать обоснование и разъяснения сложившемуся за полвека в городской традиции празднику рождественской елки. В 1898 году с подзаголовком «для воспитателей, учителей и родителей», «дозволенное цензурой», выходит книга Е. Швидченко «Рождественская елка: ее происхождение, смысл, значение и программа». Автор видит происхождение рождественской елки в древних верованиях: «Почти у всех народов издавна существовало верование, что растения — живые существа, что души умерших переходят в растения... Часто деревьям приносили жертвы: навешивали на них шерсть, мясо, хлеб и т. п. Все это для духа, живущего в дереве. <...> Известна русская пословица: венчали вокруг ели, а черти пели. <...> Приведенные данные свидетельствуют о том, что многим народам был известен обычай зажигать

на деревьях свечи, он имел религиозное значение, т. е. был языческим обрядом. В то же время данные показывают, что этот обычай не имел никакого отношения к рождественским святкам» (с. 18). По мнению автора, почва для появления обычая рождественской елки была подготовлена смешением средневековых представлений о райском древе и описанных языческих верований в дух дерева. Подчеркивая светский смысл праздника, ввиду его нехристианской основы, автор указывает на необходимость устраивать елки только после Рождества в качестве увеселений для детей: «Религиозный элемент (слава Спасителю) может быть допускаем не потому, что, дескать, устраивается елка, а потому, что елка устраивается именно на Рождество» (с. 34). Ни Дед Мороз, ни Снегурочка в этой книге, посвященной истории елки, не упоминаются.

СОВЕТСКАЯ ЕЛКА

В первое советское новолетие, с наступлением 1918 года, новогодние поздравления официально упразднили газетными спорами о том, с какого срока должны граждане нового государства начинать год — с 31 на 1 января или с 24 на 25 октября. Дореволюционные праздники были признаны буржуазными и заменялись усиленно разрабатываемыми в 20-е годы пролетарскими праздничными постановками и шествиями. 30 января 1918 года, не вдаваясь ни в какие обоснования и объяснения, новая власть выпускает декрет о переходе на «европейский календарь». До 1935-го Новый год официально праздником не считается.

Важным этапом в разработке новых «вечных» ценностей становится появление 28 декабря 1935 года статьи П. Постышева «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку», напечатанной в «Правде» и ставшей директивой к разработке советского новогоднего ритуала:

«В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии всегда устраивали на Новый год своим детям елку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую

елку... Какие-то не иначе «левые» загибщики ославили это детское развлечение как буржуазную затею. Комсомольцы, пионерработники должны под Новый год устроить коллективные елки для детей. В школах, детских домах, дворцах пионеров и детских клубах, в детских кино и театрах — везде должна быть детская елка! Не должно быть ни одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило накануне Нового года елку для своих ребятишек».

На государственном уровне елка вводится как мероприятие для детских общественных учреждений. Поскольку все должно проходить по образцу, формирование «традиции» происходит стремительно. Учпедгиз под надзором Народного комитета по образованию в 1936—1937 годах выпускает сборники статей «Елка», долженствующих разъяснить практику организации елочного действия для детей разных возрастов на конкретных примерах.

Первое издание (1936 года) открывается перепечаткой статьи Постышева и рассказом Бонч-Бруевича «Владимир Ильич на елке»: «Владимир Ильич очень любил детей...»

Е. А. Флерина подробно рассматривает опыт первого отмеченного детьми СССР Нового года.

«В „Правде“ была опубликована статья т. Постышева о елке. 31 декабря по всему Союзу зажгли разноцветными огнями десятки тысяч елок... Внезапное появление елки, стремительно произведенный праздник вызвал целый ряд вопросов: о значении елки для наших ребят... давать ли ряженных и каких, можно ли Деда Мороза... нужны ли подарки... <...> Елка — это зимний новогодний праздник, для дошкольника это абстрактные темы, и не нужно растолковывать. Если из миллиона детей найдется такой ребенок, который спросит: „Почему елка?“, „Зачем елка?“ — можно ответить: „Мы встречаем Новый год, хотим, чтобы

он был радостный“ и т. п. Массовость и обычность елки, любовь к ней детей делает ее традиционным детским праздником, и недоумения со стороны ребят ждать не приходится... Елка является чистейшим образцом сезонного праздника зимнего, новогоднего. Праздником красоты и радости для всех возрастов.

Елка запоминается на всю жизнь. Сказочная, необычайная, она глубоко волнует ребенка, дает богатый материал для работы воображения... Разве этого не достаточно? Кто чувствует елку, тому не нужно объяснять значение этого праздника»¹.

Так впервые и окончательно обосновывается смысл советской новогодней елки: событие общественное (не семейное) — детсадовское, пионерское, комсомольское, память на всю жизнь, «сезонный» праздник радости и красоты. Все позднейшие публикации на елочные темы будут повторять эту формулировку: «традиционный праздник радости и красоты».

Сюжет праздника складывался постепенно:

«Мы рекомендовали бы в начале елки ряженных не вводить, дав возможность ребятам рассмотреть елку... К моменту раздачи подарков или для организации игры можно ввести одного-двух ряженных. Интересно прошло ряжение в Деда Мороза, но дети не знали ранее этого образа, приняли его за дедушку из колхоза. „Колхозный дедушка, мы его знаем“, — заявили ребята. В этом году сказочный образ Деда Мороза будет воспринят, вероятно, несколько иначе. Во всяком случае, и малыши, и старшие радостно встретили его»². Детям середины тридцатых годов образ Деда Мороза, как видно, не знаком, культмассовым работникам он известен как одна из масок ряженных, пробуемая для новогоднего сценария в числе прочих.

В то же время и в тех же статьях формируется идеология и эстетика «новогоднего чуда», эстетика иллюзий, обмана, подмены: «Елка сказочна. На ней бывает то, чего никогда не бывает. Орехи из золота, яблоки из марципана, сундук... а в нем не шубы с нафталином, он наполнен шоколадными лепешками. Холодный снег — из теплой ваты... Почти все, что существует во-

---

¹ Флерина Е. А. Елка в детском саду // Елка: Сб. ст. о проведении елки (утверждено Наркомпросом РСФСР). М., 1936. С. 10–11.

² Там же. С. 16.

круг ребенка, можно перенести на елку, но только в другом материале и цвете»¹.

Дед Мороз и Снегурочка впервые упоминаются вместе в ряду елочных украшений: «А какие чудесные игрушки висят на елке: *дед-мороз, снегурочка, леший*, блестящие золотые рыбки и петушки, шмели и мухи...»² (Курсив в цитатах здесь и далее мой. — С. А.)

Второе издание сборника «Елка» корректирует и уточняет новогодний ритуал, анализируя недочеты прошлогодних мероприятий: «В группах детей 3–4-леток торжественно вошел Дед Мороз с палкой, запел песню „Не ветер бушует над бором“ (из Некрасова) — шесть ребят расплакались. И несмотря на то что руководительница сняла у Деда Мороза бороду и усы, дети не подходили к ней (так! — С. А.): подарка никто не хотел брать. Тот же факт был и в других детских садах. Эти факты учат осторожному подходу к малышам. Ряженные их могут испугать, особенно если они дают для детей-дошкольников не близкий и не веселый образ»³.

Из описаний «удачных сюжетов» складывается общая канва ритуала: пляски и хороводы вокруг елки в костюмах, в том числе национальных, торжественный выезд Деда Мороза на санях — или неожиданное появление Петрушки, или выезд снежной бабы на санках, или зайчики. На роль дарителей, как можно увидеть, пробовались различные персонажи, но успешным оказывается один: «Наибольший восторг был вызван Дедом Морозом... По эмоциональности своей весь праздник не имел ничего более яркого»⁴.

Итак, годом рождения советского Деда Мороза и новогоднего ритуала следует признать знаменательный во многих отношениях 1937 год⁵. Именно этот год дети Советской страны

---

¹ Улицкая М. Праздник елки // Елка. С. 22–24.

² Там же. С. 25.

³ Елка: Сборник статей и материалов / Под ред. С. С. Базыкина и Е. А. Флериной. М., 1937. С. 7–8.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Сталинские черты в образе советского Деда Мороза несомненны (см.: Золотоносов М. В поисках «седьмого дуга» // НЛО. 1994. № 6). Но культ Деда Мороза оказался сильнее культа Сталина: первый — дух, второй — плоть.

впервые встретили с Дедом Морозом и Снегурочкой в московском Доме союзов. Приведем описание этого грандиозного по размаху идеологического мероприятия, в нем впервые я узнаю те елки, которые помню сама.

В Доме союзов ежедневно проводилась елка (с какого по какое число — не указывается). Для детей от 8 до 12 лет с 12 до 6 вечера, для возраста от 12 до 14 с 18 до 22 часов. На каждом сеансе присутствовало 1000—1200 детей. Они проводят некоторое время в украшенных залах. «Первый зал украшен цветами, по стенам стулья, огромное панно с изображением Сталина среди детей». «Всех заинтриговала темнота колонного зала. На авансцене зажглись два пылающих костра, и стала заметной поднимающаяся фигура Деда Мороза в белом костюме, с длинной белой бородой и сумкой через плечо. Дед Мороз приветствует детей... предлагает всем громко крикнуть: „Елка, зажгись!“ Дети дружно кричат, и вдруг вспыхивает разноцветными огнями елка». В варианте постановки для младших школьников: «В колонный зал впускают детей в полутьме. Елка зажигается, и перед детьми вырастает на сцене Дед Мороз... Он уже не один, а с ним Снегурочка — шаловливая девочка, которая мешает деду в его разговорах с детьми, выдает его тайны детям. Это создает большую интимность между Дедом Морозом и школьниками»¹. Так появилась новогодняя Снегурочка, через двадцать лет ставшая обязательным действующим лицом новогоднего представления:

В классах идут
Разговоры и толки:
Кто же Снегурочкой
Будет на елке?

*А. Барто*²

В этом же издании (Елка. М., 1937) закреплена иконография Деда Мороза: на 29-й странице приведено три утвержденных

---

¹ Овчинникова Е. Елка в Доме союзов // Елка: Сборник статей и материалов. С. 16—28.

² Впервые опубликовано в газете «Правда» от 1 января 1956 г.

Наркомпросом варианта. Все три хорошо известны нам по ватным «старинным» дедам-морозам — игрушкам, которые бережно хранят в семьях и выставляют под елку по сей год.

В 1940 году Репертуарным бюллетенем, выпускавшимся Главным управлением по контролю за зрелищами и репертуаром, было разрешено к постановке елочное представление «Под елкой» (сценарий В. Пановой): «Ребята водят хоровод вокруг нарядной елки. Игрушки оживают и веселятся вместе с ребятами. Дед Мороз рассказывает, как тяжело жилось раньше маленьким украинцам и белорусам под гнетом польских панов»¹.

К 1939 году впервые за годы советской власти были выпущены поздравительные новогодние открытки с изображением снежинок на фоне Спасской башни (художник О. Эйгес). Новогодняя открытка к 1942 году изображает Деда Мороза, изгоняющего фашистов. На новогодней открытке к 1944 году — Дед Мороз со сталинской трубкой и мешком оружия (на мешке — американский флаг)².

Сюжет и состав персонажей новогодних представлений советского времени можно считать устоявшимся окончательно к началу пятидесятых годов: стереотипные сценарии «елок» устойчиво появляются в периодической печати именно с этого времени.

Январский номер «Правды» за 1954 год размещает статью Константина Паустовского «Дети в Кремле». Идея новогоднего чуда

---

¹ Репертуарный бюллетень: театр, музыка, эстрада (Комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров Союза ССР). М., 1940. № 1–2. С. 16.

² Чапкина М. Художественная открытка. М., 1993. № 416.

развивается в мифологию: «Почти нет такого писателя или поэта, который бы не хотел написать зимнюю сказку — то особое лирическое произведение, где соединялась бы вся прелесть снежной зимы с ощущением полного, особенно детского, счастья. Было много прекрасных зимних сказок. Но все они были плодом писательского воображения. И только сейчас, в первый день нового, 1954 года, эту зимнюю сказку можно было узнать, стать ее участником, погрузиться в нее и испытать то счастье, которое раньше существовало только в воображении (так появляется мистика Нового года, чудо сказки, становящейся былью. — С. А.). <...> Дети давно привыкли к виду Кремля с мостов и из-за Москвы-реки. Но сейчас он открылся им не снаружи, а изнутри. Человек, не знающий и не любящий прошлого своей страны, не может быть создателем ее настоящей жизни». События новогоднего праздника признаются *старинными*.

Для того чтобы идеология стала мифологией (была принята на веру), нужен ритуал и мистический авторитет — податель благ, тот, кто стоит над правилами и законами, кто способен их отменять. В этом направлении и развивается литературно-сценарное и культмассовое творчество. Одна из святочных масок становится могущественной силой — Дедом Морозом — и получает нечеловеческого происхождения спутницу-посредника — Снегурочку. Новогоднее время наследует права времени чудес романтизма: оживающие куклы, чудесные страны, виденья, обманчивые огни.

Чтобы проследить, как устроено елочное действо, я просмотрела ряд елочных сценариев. Самый ранний из них был издан в 1950 году, самый поздний — в 1971-м¹. Елочные сценарии, раз-

---

¹ Сац Н., Розанов А. Дружба: Сценарий-руководство для проведения праздника Новогодней елки. Алма-Ата, 1950; Александрова А. Елка — зеленая иголлка (новогодняя сказка) // На Новогодней елке. Л., 1956. С. 14–28; Гиппиус Н., Туберовский М., Туригин И. Сказка про волшебный ключ // Там же. С. 46–70; Кафелина М. Хоттабыч на елке // Там же. С. 29–45; Коваленко В., Сегаль Л. Дед Мороз в звездолете // Там же. С. 105–130; Слонова Н. Как Леночка вылечила Деда Мороза // С Новым годом: Репертуарный сб. М., 1958. С. 11–35; Терехин В., Фотеев В. Как украли Новый год // С новым годом: Репертуарный сб. М., 1971. С. 169–188; Ильина К. Все сказки в гости будут к нам // Там же. С. 188–203.

личаясь в наборе персонажей, атрибутов и мотивировок, в основе своей имеют общую схему действия и сохраняют определенный набор сюжетных элементов. Общая схема сюжета такова: дети (и родители) хотят получить дары. Общий аргумент наличия этого желания многократно оглашается во время представления. Он состоит в том, что Новый год — особое время, время исполнения желаний. Дары (желаемое) дарит Дед Мороз. Он живет где-то далеко, где тьма и холод, в «темном лесу». Между детьми и Дедом Морозом должен быть посредник — Снегурочка, ведущий. Ведущий, как ритуальный специалист, как шаман, объясняет зрителям, что они должны делать и говорить, чтобы Дед Мороз пришел или — если он уже пришел — чтобы елка зажглась огнями. Призывание Мороза откуда-то издалека — первый из вариантов сюжета. Второй вариант предполагает путешествие какого-то представителя детей, героя или героини, в пространство Деда Мороза. Он отправляется в мир «темного леса» или «снежных гор» подобно шаману, путешествующему за потерявшейся душой в иной мир, или герою волшебной сказки, оправляющемуся в иное царство в поисках похищенной матери или желанной ценности. И так же, как они, претерпев испытания и устранив козни «вредителей», в случае новогодних сюжетов — Бабы-яги, Метелицы, Филина, Черной кошки и др., или разрешив иную трудную задачу, он должен способствовать перемещению Деда Мороза к елке.

Упрощенный вид трудной задачи — загадка. Например, для того чтобы елочка зажглась, дети должны ответить на вопрос Снегурочки. Один из таких вопросов-загадок заставил меня задуматься относительно времени происхождения садистских стишков:

На поверхности реки
Замелькали две руки.
И видна едва-едва
Пионера голова.
Но поверхность вновь гладка,
И как зеркало река.

*(Правильный ответ:
нырнувший пловец)*¹

---

¹ Карелина М. Хоттабыч на елке. С. 35.

Кроме общей схемы сюжета, единой для всех прочитанных мною сценариев, остаются устойчивыми костюмы Деда Мороза (белая длинная борода и усы, посох/жезл, красный кушак, красно- или сине-белый костюм — в соответствии со стандартом 1937 года) и Снегурочки (коса, кокошник или шапочка, белый или сине-белый костюм); а также персонажи-помощники — звери из сказок о животных и персонажи из репертуара советских книжек для детей (Буратино, Чук и Гек, Незнайка, Тимур и др.).

Обязательна поэтическая речь, которая появляется в «ответственные» моменты представления:

«Д е д М о р о з. Я услышал звонкий хор и слетел с высоких гор — там и летом снег лежит...»¹

Обязательна игра с огнем и темнотой — затемнения, зажжение цветных огней, пиротехнические эффекты. Обязательно побуждение зрителей к хоровому говорению, которое, что прямо объясняется ведущим, должно иметь магический эффект:

«Д е д М о р о з. А чтоб игрушка появилась, надо всем ребятам вместе сказать: „Петенька, достань воробушка!“»². Или: «В новогоднюю ночь иногда случаются чудеса! Если мы скажем какое-нибудь необычное слово, например: „Зурбаган!“ Дети повторяют за ведущим волшебное слово. Занавес медленно открывается»³. В любом случае, вызывание Деда Мороза — условие зажжения елки, а она знаменует приход Нового года.

Новогодняя ночь и новогоднее действо с детства переживались советским человеком как сакральное время «бесплатных» даров, время, выходящее за рамки обыденного. «В канун праздника, — пишет журналистка Д. Новикова в предновогоднем номере учебной газеты факультета журналистики СПбГУ, — происходят невероятные совпадения и осуществляются самые давние и заветные мечты... Верят ли в чудеса наши студенты?» Ниже в тексте автор приводит отрывки из записанных по этому поводу интервью:

---

¹ Сац Н., Розанов А. Дружба. С. 33.

² Там же. С. 36.

³ Александрова А. Елка. С. 20.

«Мне даже страшно об этом думать, потому что совсем недавно я верила. Ждала праздника с предвкушением чего-то особенного...»

«Для меня Новый год — единственное время в году, когда в волшебство стоит верить. Вот уже два года я загадываю желания во время боя курантов, и, что самое интересное, — они сбываются. Думаю, что это не простое стечение обстоятельств»¹.

Новый год — единственная дата, которая ратифицировалась общественным атеистическим порядком как сакральное время, время чуда. Тогда заботу о тебе проявляет тот, кого ты никогда не видишь, но кто о тебе знает, любит и переживает о тебе, лицо, наделяемое постоянными характеристиками: мудростью, всеведением, мистической силой, владением всеми благами. Все эти характеристики, которые могут принадлежать только одному Богу, оказываются вмененными Дедушке Морозу:

*«Д е д М о р о з. Следить за вами будем мы с любовью, а вы, друзья, не подведете нас!»*²

Глагол «подводить» в этой ситуации очень характерен. Подводить в этом, разговорном, значении — навлекать на кого-то неприятности своими действиями. Итак, действуют — дети, а если они действуют плохо, то отвечает за их поступки — Дед Мороз.

Дед Мороз болеет, потому что «его обидели, — говорит заяц. — Кошка сказала ему, что вы мучили животных, не учили уроков и бросали снежками в прохожих, что вы дерзкие и злые, что вы никого не любите, а значит, не любите и его — Деда Мороза»³.

Отношения Мороза и детей трактуются в этическом плане: Мороз болеет, когда его дети делают плохое. Он не наказывает, он — страдает. В христианском предании ангел-хранитель плачет, когда человек грешит. И еще более прозрачная аллюзия: никого не любите, а значит, не любите Деда Мороза. Сравни: «И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию

---

¹ Новикова Д. В канун праздника // Дважды два. Ежемесячная учебная газета факультета журналистики СПбГУ. 1998. № 22 (55), декабрь (дополнительный выпуск).

² Терехин В., Фотеев В. Как украли Новый год. С. 202.

³ Слонова Н. Как Леночка вылечила Деда Мороза. С. 15.

твоею, — вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Мк. 12: 30–31).

Общественное мнение определенным образом готовит участников новогоднего представления к тому, чтобы оно переживалось как мистическое действие.

Ритуал не предполагает деления присутствующих на зрителей и действующих лиц, все являются участниками действия. Именно так и происходит на новогодней елке. Имеются заказчики ритуала — дети и родители, присутствуют ритуальные специалисты — «ведущие», есть посредники — «помощники», есть подаватель благ — адресат ритуала, есть антагонисты — духи, демоны, звери. Новогоднее действие воспроизводит схему заказных магических ритуалов. Сравним выделенную выше схему со схемой, выявленной в результате анализа обрядов сибирских народов.

«Неблагополучное состояние коллектива или отдельного его члена, предшествующее камланию (функция 'беда, нестача'), влечет за собой приглашение шамана, в лице которого заказчик получает силу, способную ликвидировать это отрицательное состояние (функция 'вызов посредника')... Узнавание шаманом причины несчастий... столкновение шамана с духом болезни и/или путешествие его в тот из миров, где обитает адресат камлания. Контакт шамана с духом дополняется заключением договора и обменом ценностями — передачей даров и получением искомого»¹.

В русской традиции эта схема воспроизводится в окказиональных ритуалах, требующих привлечения «знатока» (колдуна, лекаря). Например, у хозяев теряется скотина, они отправляются к «знающему», тому, кто знает ся с лешим. Тот пишет «кабалу́» — письмо лешему на бересте, заказчик отправляется к лесу, в то место, где потерялось животное, и бросает его лешему (Сямженский р-н Вологодской обл. Зап. 2006 г.).

---

¹ Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984. С. 98.

Взрослый современный зритель, разумеется, не верит в то, что человек с приклеенной бородой и усами, выходящий на сцену с жезлом и мешком, — дух. Но почему он хочет убедить своего ребенка в том, что это так? Зачем современные папы, облачившись в дед-морозовое одеяние или заказав Деда Мороза по телефону, изо всех сил стараются обмануть своих детей, и именно для того, чтобы они поверили в реальность Деда Мороза? Можно ли еще как-нибудь объяснить их действия, как не тем, что родители *верят* в нечто сами? Во что же они верят, участвуя в елочных представлениях в дни рождественского поста и посвящая в это своих детей? Семьи, собравшиеся в эти дни у новогодней елки, — мистически общаются — с кем? С Дедом Морозом и Снегурочкой? Кто податель новогодних чудес?

Мистика языческих верований зимнего солнцеворота определялась особым переживанием времени: границы между миром людей и миром сил становились проходимыми, прибиток (дар) случался за счет контакта между ними. Чудо Рождества — тайна прихода неба на землю, безграничного — в пространство, вечного — во время: «Бесплотный воплощается, Слово отвердевает, Невидимый становится видимым, Неосязаемый осязается, Безлетный начинается. Сын Божий делается сыном человеческим; *Иисус Христос вчера и днесь, Той же и во веки* (Евр. 13, 8)» (Григорий Богослов).

Дореволюционный праздник Нового года был праздником светским и проходил в праздничное скоромное время святок, наступавшее после праздника Рождества Христова и предварявшего его Филиппова поста. Введенный Петром обычай не противоречил уставу православной церкви. Советский Новый год — рождественский, по замыслу — антирождественский. Выросший в советскую эпоху и вне религии человек, даже и считающий себя неверующим, в большинстве случаев признает особое — мистическое по сути — переживание двух дат: собственного дня рождения (заместившего день ангела) и Новый год.

Единство общества определяется наличием общей святости — той мистической ценности, которая признается всеми, которая не подвергается сомнению. Создаваемая в 1920–1930-х годах

новая «общность» нуждалась в своих святынях. Поэтому государство созидало святыни-«новоделы»¹. И делалось это так, как делалось всегда и везде: их располагали в тех точках времени и пространства, которые были религиозно значимы, освящены Церковью. Станции советского метрополитена — антихрамы (роскошь подземелий, не вверх, но вниз) — строятся на месте взорванных церквей². День Нептуна — с водным «крещением» (!) — отмечают в сроки празднования равноапостольных Владимира и Ольги, крестителей Русской земли. Праздник «прощания с зимой» замещает Прощеное воскресенье. Седьмое апреля, Благовещение, закрепили за Всемирным днем здравоохранения и т. д. Отрывной календарь советского времени аккуратно отмечал разнообразными профессиональными, партийными и идеологическими праздниками сроки праздников православных, слегка смещая их в датах. Наши родители, рожденные в тридцатых, в массе своей верили в идеалы советского государства, и боль разрушения этих иллюзий началась с распада партийного строя. Мы же, рожденные в 1960—1970-х, не веруя в социалистические идеалы, но тем не менее празднуя их праздники, верили в «счастливое детство»: в безусловную ценность детского взгля-

---

¹ Ср. понятие «иконоклазм», предложенное для определения практик такого типа (*Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, 1989*).

² Ср.: «В СССР подземные дворцы создавались не ради одной лишь транспортной пользы, но и ради красоты „трансцендентной“, именно как святилища (или капища) новой веры, со своими иконами, фресками и надписями, изображающими лица и события священной советской истории. Величавые вожди, окруженные благоговейными массами; суровые мужчины и женщины, рабочие и крестьяне, с оружием в руках готовые отстаивать завоевания революции; представители всех наций, пирующие за одним столом, украшенным грузинским вином, молдавскими яблоками, украинскими черешнями и прочими плодами братской дружбы и грядущего изобилия. Таковы иконы и фрески этой новой материалистической веры, освящающие лоно самой земли. Разрушение Отцовских храмов и созидание Материнских, по сути, один процесс — хотя бы потому, что камни и плиты, изымаемые из церквей, пускались на строительство перевернутых церквей нижнего мира. В частности, станция „Площадь революции“, первенец Матрополя, в значительной части составилась из камней разрушенного Данилова монастыря» (*Эпштейн М. Эдипов комплекс советской цивилизации*).

да на мир («дети — цветы жизни» сталинской поры, «детскость» шестидесятых с бумажными солдатиками и маленькими оркестрами). Для нас остается бесспорной абсолютная ценность и глубокий смысл собственных детских воспоминаний, и в этом ряду — свечки *день-рожденного* торта и голубой огонек экрана в новогоднюю ночь с подарком от Деда Мороза под елкой.

Мистическая власть Деда Мороза — сюжет, развернутый советским государством в общий миф. И сделано это было посредством введения конкретной социальной (ритуальной) практики. Эта практика служила и продолжает служить сохранению общества в рамках той же картины мира. Каждый год, в дни Рождественского поста, советский человек вместе с родными и близкими в темное время суток через разделение ритуальной трапезы приобщается таинств Деда Мороза, а детей своих, почитая это своим родительским долгом, вводит в сакральный мир новогодней елки.

Дело здесь не только в идеологии праздника. Ее можно не разделять. Дело в том, что если ты отдал какой-то общественной символической процедуре свое тело, оно автоматически стало частью общего социального тела. Социальное тело подтверждает, мало того, обеспечивает своим символическим жестом существование определенных социальных институтов. Социальные институты — власти, семьи, образования, армии и пр. — существуют за счет массовых символических актов, подтверждающих их наличие. Нет института брака без свадеб, подарков теще, общих кошельков и общей ответственности за потомство. Нет денег, если массы не будут менять на них свой продукт. Нет дорожного движения, если люди не будут соблюдать его правила. Я, разумеется, утрирую, но тем не менее: нет общности «советский народ», если нет кремлевских курантов в двенадцать ночи, главного Деда Мороза и салата оливье.

Постсоветское дед-морозовое разгуляево — творческие поиски общего ритуала. Общность нации случится, когда будет рождено общее имя (символическая форма) и будет найдено общее чувство. Скорее всего, именно с последним — проблема. Признаться, я надеялась в этой работе не касаться текущих

событий и очень общих вещей. Но поскольку праздник актуален, мне кажется необходимым объяснить то, как я понимаю принципы его психологической и социальной работы. Рожденные в тридцатых годах и позже, мы, сами того не осознавая, успешно формировали новую общность под названием «советский народ». В современной литературе такое социальное качество принято называть идентичностью. Чтобы идентичность состоялась, в тела и души объединяемых должны быть вложены общие матрицы — как понимать мир и как его чувствовать. Это не означает, что мира без таких матриц не существует. Он есть, но распознаем мы его сигналы — как внешние, так и внутренние — посредством той сигнальной системы, которой нас обучили.

Пример интерпретации внешнего сигнала: «Чьи это шаги там на лестнице?» — «Да это нас арестовывать идут».

Пример интерпретации внутреннего сигнала: «Ля-ля-ля! — поет что-то во мне, и я знаю, что это — вдохновение», — говорил Карлсон.

Связь между пониманием и чувствованием устанавливается двумя способами: во-первых, посредством жизненного опыта. Но опыт предполагает ошибки и рефлексию; он требует индивидуального труда. Во-вторых,

такая связь устанавливается правилами и запретами. Они обычно даются до объяснений и требуют только подчинения. В общем поле осваиваемых матриц поведения отличить правила, сформулированные на основе опыта, от правил, в основании которых покоятся не подлежащие проверке аксиомы (условия идентичности), очень трудно. «Не прислоняйтесь», «Не трогай утюг», «Уступай место старшим», «Мойте руки перед едой», «Солнце воздух и вода — наши лучшие друзья», «Народ и партия

едины», «Все хорошо, что хорошо кончается», «Самым главным искусством является кино» и т. д. и т. п.

В-общем, «абырвалг» — на языке Шарикова!

Точно так же внушаются правила интерпретации внутренних состояний. Например: если ты чувствуешь восторг и трепет, наблюдая, как поднимается отечественный флаг и звучит гимн, твое чувство называется «гордость за родину». Одно из таких состояний — тревожное и радостное одновременно — готовность к переменам, к новому. Это переживание известно каждому.

Соединение переживаемого, внутреннего, с внешним миром происходит через символическое действие, например — самое простое, — через речь. Ритуалы — это групповые (массовые) символические действия, смыкающие переживание с внешней реальностью. Ритуалы интегрируют участника и в общее чувство, и в общее понимание происходящего.

В христианской традиции в день Рождества Христова праздновалось рождение нового мира. Вхождение предвечного Бога в тварный мир — перемена участи для каждого обрадовавшегося этому событию. Чувство и смысл соединялись в этом празднике.

Меня же интересовало то, посредством каких практик было сконструировано советское новогоднее чувство.